

Волшебное зеркало (Дорошевич)

— Так смотри же, принеси мне хороший подарок! — кричала О-Мати-Сан своему мужу Ки-Ку, который в первый раз отправлялся в город.

— Принёс мне подарок? — встретила она его вопросом, когда Ки-Ку вернулся.

В городе удалось отлично заработать, и Ки-Ку принёс с собою много хороших вещей для хозяйства.

— А это тебе! — сказал он, передавая Мати сверкавший металлический кружок. — Посмотри-ка сюда.

О-Мати-Сан даже вскрикнула от испуга, когда из хорошенькой рамочки, в которую был отделан металлический кружок, на неё взглянуло смеющееся женское лицо.

— Кто это? — с испугом спросила она.

— Ха, ха, ха! — залился хохотом Ки-Ку. — Кто это? Да это ты сама!

Вслед за ним залилась, словно маленький серебряный колокольчик, звонким смехом О-Мати-Сан.

— Как велика премудрость человеческая! — восклицала она, глядя в зеркало.

— Они умеют там, в городе, рисовать портреты людей, которых никогда не видали!

И находя женщину, которая глядела из рамки, очень хорошенькой, говорила, что портрет чрезвычайно похож.

С этих пор дом Ки-Ку стал похож на клетку, в которой живёт очень весёлая птичка.

Целые дни О-Мати-Сан прыгала, пела, глядя на этот чудесный портрет, который улыбался и радовался, как она.

Но всему своё время. Среди забав и утех О-Мати-Сан родила дочку О-И-Сан. В семье стало трое — настало время труда и забот. Великолепная игрушка, как драгоценное сокровище, была спрятана в самый низ сундука, и О-Мати-Сан отдалась труду и заботам.

Дочка росла.

Казалось, жизнь О-Мати-Сан переливалась в О-И. Чем больше вваливались и бледнели щёки Мати, тем больше румянец разливался по щекам О-И-Сан.

И когда ей минуло 14 лет, Ки-Ку смело мог сказать, обнимая обеих:

— Теперь у меня две маленьких Мати — старая и молодая.

О-И-Сан была вылитая Мати.

Теперь она щебетала в маленьком бумажном домике, делая его похожим на клетку с весёлой птичкой.

Но очередь приходит всему. Приходили и уходили радости, приходил труд, пришла и смерть, как она приходит ко всем.

О-Мати-Сан умирала.

— Неужели я тебя никогда не увижу? — рыдала у её изголовья бедная О-И.

— Дитя моё! — отвечала ей О-Мати-Сан. — Ты будешь меня видеть всегда, когда захочешь. Я всегда буду с тобой. И ты меня будешь видеть не такой, как я теперь, старой, больной, а такую, какую ты, помнишь, видала меня, когда была маленькой: весёлой, смеющейся, молодой, красивой, как ты теперь. Когда я умру, открой сундук, и на дне ты найдёшь мой чудесный портрет. Он был сделан, когда я была молода...

Сказала и умерла.

Поплакав по матери, О-И-Сан вспомнила о портрете, открыла сундук, достала со дна хранившийся там, как драгоценность, блестящий кружок, оправленный в красивую рамку, — взглянула и вскрикнула от радости, счастья, восторга.

На неё, улыбаясь счастливыми глазами, смотрела её мать, не старая, не больная, а молодая, весёлая, какую О-И видала её только давно-давно, в детстве.

О-И запрыгала от радости.

Теперь она целые дни проводила с волшебной игрушкой, любясь на дорогое лицо матери. Она разговаривала с нею, и хотя мать ничего не отвечала ей, но по движениям губ, по улыбке, по блеску глаз О-И-Сан видала, что та её понимает.

Когда О-И-Сан была радостна, улыбалась и мать. Когда О-И-Сан была грустна, грусть ложилась и на дорогое лицо, и О-И-Сан спешила улыбнуться, чтоб развеселить милую мать.

Так жила О-И-Сан.

Однажды через их деревню проходил премудрый жрец великой богини Каннун.

— Что ты делаешь, дитя моё? — спросил он, увидев О-И-Сан, которая смеялась и болтала, глядя в зеркало.

— Я разговариваю с покойной матерью, — отвечала О-И-Сан, — смотрю на её лицо и радуюсь, что она сегодня такая весёлая и счастливая.

— Да разве это лицо твоей матери, неразумное дитя? — покачал головой мудрый жрец. — Разве это портрет? Это зеркало, и оно отражает твоё лицо. Понимаешь, твоё? Дай мне зеркало, я посмотрю, и оно отразит моё лицо.

О-И-Сан со страхом подала ему зеркало и с ужасом увидела среди хорошенькой рамочки старое, жёлтое, мудрое лицо жреца.

— Это был твой портрет!

— Мой? — воскликнула О-И-Сан и с рыданиями упала на землю. — Я опять потеряла свою мать!

И она рыдала, рыдала неутешно, лёжа на земле.

И сказала богиня Каннун, богиня милосердия:

— Проклятый жрец! Счастье в незнании. Зачем ты знаньем отравил счастье человека? Да будешь ты проклят с твоим знаньем!

И прокляла она премудрого жреца.